
Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

ГИБЕЛЬ БЕСЛЕНЕЯ: К ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ВЛАДИКАВКАЗСКОГО ПЛАНА 1860 г. В ОТНОШЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОШХАГСКОГО КНЯЖЕСТВА

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2024

Аннотация. Итогом «Владикавказских совещаний» российского военного командования конца сентября – начала октября 1860 г. явилось утверждение плана уничтожения Черкесии. Ввиду основного направления и алгоритма действий, предусмотренного планом, Бесленеевское княжество первым оказалось на пути российского продвижения. В настоящей статье, на основе анализа широкой канвы источников и литературы предпринимается попытка выявления особенностей имплементации владикавказского плана в отношении западношхагского княжества. Отправным пунктом исследования стало выяснение характера взаимоотношений, установившихся между имперским командованием и Бесленеем с 1859 г., когда большинство политических закубанской Черкесии замирилось с российской стороной. Далее, в тексте отслеживаются синхронно проводившиеся военно-практическая деятельность и идеологическая подготовка, направленные на формирование инфраструктуры ликвидации черкесского княжества с поздней осени 1860 г. Логическим завершением работы стала экспликация *modus operandi* российского командования в отношении населения Бесленея, которое в ходе войсковой операции под командованием генерала Евдокимова и командующего Мало-Лабинским отрядом полковника Лихутина было насильственно выселено в Османскую империю.

Ключевые слова: Бесленей, Ходзь, Мало-Лабинский отряд, владикавказский план, Геноцид, черкесы, сопротивление, западношхагское княжество

Для цитирования: Алоев Т.Х. Гибель Бесленея: к имплементации владикавказского плана 1860 г. в отношении населения западношхагского княжества // Вестник КБИГИ. 2024. № 4-1 (63). С. 15–25. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

Original article

THE DEATH OF BESLENEY: TOWARDS THE IMPLEMENTATION OF THE VLADIKAVKAZ PLAN OF 1860 IN RELATION TO THE POPULATION OF THE WESTERN SHAG PRINCIPALITY

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Alov, 2024

Abstract. The result of the “Vladikavkaz Conferences” of the Russian military command in late September – early October 1860 was the approval of a plan for the destruction of Circassia. In view of the main direction and algorithm of actions envisaged by the plan, the Beslenevsky Principality was the first on the path of Russian advancement. In this article, based on an analysis of a wide range of sources and literature, an attempt is made to identify the features of the implementation of the Vladikavkaz plan in relation to the Western Shkhag principality. The starting point of the study was to clarify the nature of the relationship established between the imperial command and Beslenev since 1859, when most of the polities of Transkuban Circassia made peace with the Russian side. Further, the text traces the simultaneously conducted military-practical activity and ideological preparation aimed at forming the infrastructure for the liquidation of the Circassian principality from the late autumn of 1860. The logical conclusion of the work was the explication of the modus operandi of the Russian command in relation to the population of Beslenev, which during the military operation under the command of General Evdokimov and the commander of the Malo-Labinsky detachment, Colonel Likhutin, was forcibly deported to the Ottoman Empire.

Keywords: Beslenev, Khodz, Malo-Labinsky detachment, Vladikavkaz plan, Genocide, Circassians, resistance, Western Shah principality

For citation: Alov T.Kh. The Death of Beslenev: Towards the Implementation of the Vladikavkaz Plan of 1860 in Relation to the Population of the Western Shag Principality. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2024; 4-1 (63): 15–25. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-4-1-63-15-25

С окончанием Крымской войны и на протяжении последующих двух лет российский натиск на Бесленевское княжество отличался неизменной систематичностью. Целенаправленное следование этому курсу имело определенные плоды, однако и к 1859 г. о его жителях имперское командование отзывалось как об обитателях «мест крепких», «беззащитно злоупотребляющих» своим положением (незвизая на то, что с осени предыдущего года активность черкесов в субрегионе заметно спала). Согласно подходам российского командования, из такой оценки проистекала необходимость прекращения подобного «ненормального порядка вещей». Поэтому уже в январе 1859 г. отряд под командованием генерала Войтицкого двинулся в верховья р. Ходзь, «угрожая движением Бесленевским хуторам, разбросанным в этой местности» [Вальтер 1917: 161]. Так, 24 января российские войска подошли к урочищу «Геммликобс» – в верховья р. Ходзь, где в течение 5 часов было сожжено 7 хуторов и «добыто» фуража. И в последующие дни отряд оперировал на западных окраинах Бесленей и смежных с ними районах, но вскоре, встретив противодействие, отошел на исходные позиции [Вальтер 1917: 161]. Однако расставленные командованием приоритеты подстегивали продолжение активного давления на противника. Спустя неполный месяц российская сторона инициировала новую атаку на Бесленей. На этот раз в операции были задействованы более внушительные силы: 19 февраля из Псебайского укрепления выступила группировка, состоявшая из 4 ¼ батальона пехоты и 8 сотен казаков с 6 орудиями (имея на людях 2-х дневное продовольствие и с обозом из нескольких повозок под ранеными). Войска под командованием полковника Лихутина взяли «направление в середину населения Бесленевцев и Беглых кабардинцев» на р. Ходзь. На рассвете 20 февраля российские войска атаковали «большой аул» бесленевских тлекотлешей Тлахадуко. Эффект внезапности имел своим результатом то, что «немногие из жителей успели спастись; большая часть защищавшихся в одиночку, по саклям, была перебита, имущество и скот захвачены; в плен взяты только жена [Тлахадуко] Хаджи с сыном, 1 женщина и 1 девочка; аул был подожжен одновременно со всех сторон и сгорел до основания» [Вальтер 1917: 178–182]. «Тревога по Ходзу распространилась моментально: заунывно зазвучали по горам призывные клики горцев, загремели сигнальные выстрелы... стали собираться и массироваться неприятельские всадники» – сообщает Вальтер. Он отмечал, что черкесы, «с самых отдаленных аулов по Ходзу, успели собраться к месту дела»: на

помощь бесленевцам подошли кабардинцы и абазины. Оценивая итоги более чем трехчасового сражения, российская сторона признавала, что подобное событие «не могло... нам обойтись без чувствительной потери». Она состояла в 1-м погибшем офицере и 26 нижних чинов; ранеными и контуженными 7 офицеров и 104 нижних чина [Вальтер 1917: 189].

Черкесские потери также оказались внушительными; отмечалось, что «в этой кровопролитной бойне, по показаниям самих горцев погиб цвет населения Ходза». По первоначальным сведениям здесь погибли бесленевские предводители тлекотлеш Тлаходуко Магометали и князь Каноко Бекмурза (информация о смерти последнего оказалась недостоверной). Среди раненых числились Каноко Джамбот, «владелец истребленного аула» Тлаходуко Хаджи, «постоянно водивший хищнические партии на линию» кабардинец Батыр Эдиг и медовеевский предводитель Херпис Би(й) [Вальтер 1917: 189].

Ввиду этих обстоятельств неудивительно, что российский источник следующим образом характеризует последствия этого события: «Погром 20 февраля потряс морально не только Бесленевцев, но и все окрестные племена». А «печальные вести, распространившиеся по горам об этом деле, способствовали упадку духа и расположения к непокорству».

Относительно западных шагов источник сообщает, что «После понесенного поражения, Бесленевцы, за исключением двух аулов, согласившихся на выселение по нашему указанию[,] бросили места по Ходзу и переселились в горные ущелья, к стороне р. Белой» [Вальтер 1917: 213]. В последующие месяцы подобного накала военных действий в Бесленее не наблюдалось. Вскоре в рамках обозначившегося с конца лета тенденции по замирению с российской стороной [АКАК. Т. XII. 1904. С. 824] бесленевцы вступили в переговоры с имперским командованием. 5 октября 1859 г. их представители прибыли в Псебайское укрепление. Лидеры княжества – Каноко Джамбот, Адильгирей и Бекмурза принесли присягу на покорность и выдали аманатов. Обращает на себя внимание, что представители разных ответвлений княжеского дома Каноко в процедурах дачи присяги и аманатов участвовали по отдельности, что отражает устоявшуюся к этому времени разделение некогда единого княжества на две более-менее самостоятельные политики. Вначале присягали князя Каноко Джамбот и Адильгирей с тринадцатью дворянами. Затем 45 представителей второй бесленевской агрегации с князем Каноко Бекмурзой во главе приняли участие в аналогичной процедуре. Как отмечает Р.С. Кандор «Присяжный лист был заверен начальником Мало-Лабинского отряда полковником Лихутиным» [Кандор 2020: 144–145].

Вероятнее всего, вскоре после заключения мирного договора между Россией и Абдзахией 20 ноября 1859 г. бесленевцы вернулись с «горных ущелий» бассейна Шагуаши в долину р. Ходзь. Об этом можно судить по коллизии, возникшей спустя несколько месяцев. Так, согласно рапорту начальника Мало-Лабинской линии, полковника Лихутина, в апреле 1860 г. бесленевцы, жившие в верховьях р. Ходзь, на «требование, чтобы они переселились на открытые места низовьев Ходза и левый берег М. Лабы» отвечали отказом [Кандор 2020: 151]. Согласно некоторым сведениям в этот период «часть бесленевцев и беглых кабардинцев» демонстрировала желание «отправиться в отпуск в Турцию». Однако к исходу лета у российского командования возникла иная забота: они объявили, что «не хотят более идти в Турцию в настоящем году» [Хотко 2016: 186]. На такой оборот начальник Мало-Лабинской линии отреагировал негативно. Он признавал, что это обстоятельство «весьма не выгодно для нас собственно потому что бесленевцы и беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абдзахов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой» [Хотко 2016: 186]. Осознававший значение шагского фактора в поддержании устойчивой резистентности кяхской Черкесии генерал Филипсон просил своего подчиненного «употребить все Ваше

влияние и силу красноречивых убеждений, чтобы бесленеевцы не слушали недоброжелательных увещаний с целью отклонить их от первоначального их намерения». Лихутин в свою очередь демонстрировал не меньшую заинтересованность в решении этой задачи. «Впрочем я надеюсь, – писал он, – что все-таки пойдут в Турцию. Аулы князя [Канок Адильгирея], [Мусуроко Хаджи], [Глаходуко Джераслана] и некоторые другие, и я употреблю все старания чтобы они шли в отпуск...» [Хотко 2016: 186]. Однако эти усилия не увенчались успехом и, видимо, отчаявшись совладать с непреклонностью бесленеевцев, Лихутин возлагал надежды на генерала Евдокимова. Последний, после назначения командующим войсками Кубанской области, получив карт-бланш на реализацию принятого в начале октября владикавказского *плана*, вскоре прибыл на передовую линию укрепления по Лабе [Кравцов 1886: 33].

Одним из первых пунктов на его пути было Псебайское укрепление. «Полковник Лихутин, в качестве начальника Мало-Лабинской линии, принимал его в своем доме». Поутру, находясь «в веселом расположении духа» граф выехал из Псебая. Пожалуй, не без преувеличения далее было выведено в повествовании, что «За укреплением ожидали выстроенные в ряд, богато одетые старшины Бесленеевского общества. Граф принял их сухо и остановившись объявил, чтобы они с весною готовились к переселению» [Вальтер 1917: 216]. Подобная ультимативность напрямую проистекала из принятого месяцем ранее во Владикавказе *плана* хотя установка на «очищение» нагорной полосы между Малой Лабой и Шхагуашей от «непокорных племен бесленеевцев» существовала и ранее [ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 39. Л. 13].

Между тем придерживаясь духу соглашений с Россией 1859 г. черкесские политики субрегиона Лабинского бассейна на протяжении многих месяцев демонстрировали сговорчивость и миролюбие. Однако, как сообщает источник, «Граф Евдокимов был чужд оптимистического воззрения на искренность покорности Абазехов (логично полагать и остальных черкесов. – Т.А.), продолжавших в тайне готовиться к продолжению войны (разве что в случае возобновления агрессии с российской стороны. – Т.А.), но наружно поддерживавших с нами любезные отношения». С признанием подобной ярко выраженной устремленности к стабильному мирному сосуществованию со стороны черкесов радикально диссонирует последующая за ним сентенция российского повествователя. Она возглашала: «Нужно было более достоинства в положении конца Кавказской войне и графу Евдокимову поручено было начать осуществление этой здравой идеи» [Вальтер 1917: 216]. В этом пассаже, выраженном не без эмоционального морализма и с соответствующей интонацией, опознается потребность автора в придании драматургической эффектности предвкушавшемуся имперскому триумфу. Разумеется, не стоит забывать, что тезис воплощает ретроспективную интерпретацию со стороны носителя великодержавного энтузиазма, затронувшего вопрос много позже описываемых событий. Однако это обстоятельство не отменяет того, что установку, взятую на вооружение имперским командованием, он отражает адекватно: замирение черкесов при сохранении за ними какой-либо субъектности никак не могло быть сопряжено с «достоинством» империи в том смысле как оно понималось ее агентами.

Первостепенной задачей стартовавшей программы Геноцида стала, по формулировке командования «подготовка края к заселению казачьим элементом (мера[,] признававшаяся единственной для прочного обладания покоряемой страной)». Она включала «очистку местности от лесов», «устройство укрепленных пунктов», и, самое главное, необходимо было приступить к тому, чтобы «потеснить туземное население дальше в горы, за перевал, к морю, пока оно не изъявит безусловного согласия на переселение или в Турцию или на равнины Кубани». В скобках отметим, что артикулированный модус действий имперской армии, направленный

на «потеснение» «за перевал, к морю» «туземного населения» на практике исключал возможность его (последующего) возвращения на северный склон хребта. Поэтому упомянутое в пассаже предоставление альтернативы между «равнинами Кубани» и Турцией для сгоняемой на морской берег массы черкесского населения было лукавым.

Для реализации этих задач, к началу ноября 1860 г. российское командование сформировало два отряда: Мало-Лабинский – для разработки дороги от Псебая до Ходзи, и Абадзехский для очистки местности по р. Фарс [Вальтер 1917: 217]. Первая из группировок в составе 8 батальонов пехоты, 2 сотен кавалерии при четырех орудиях под командованием полковника Лихутина 12 ноября 1860 г. выступила из укрепления Псебай и приступила к постройке дороги по южному склону хребта «Герпесиж(?)», сопровождавшейся вырубкой леса по сторонам от нее, тем самым приступив к практическому претворению в жизнь владикавказского плана.

Несмотря на то, что особых препятствий на пути к его имплементации не предвиделось, архитекторы плана непрестанно прилагали усилия по продвижению уже утвержденной программы действий перед лицом высших имперских инстанций. Ярким проявлением подобной активности стало отношение князя Барятинского военному министру Сухозанету от 29 декабря 1860 г. [АКАК. Т. XII. 1904. С. 664] с изложением системы мероприятий на предстоявший год. Документ довольно пространный и с точки зрения мотивов его подготовки, содержания, последствий, а также значения в контексте общего курса России в отношении неподконтрольной части Черкесии представляет значительный интерес. И поэтому он достоин отдельного текстологического разбора. Здесь же укажем на то, что территория Бесленя с прилегающими к нему районами обозначены в тексте как основная точка приложения имперских усилий. Его автор подчеркивал, что на западном Кавказе он находил «совершенно необходимым начать пополнение обширной системы покорения враждебных племен и прочного занятия этого края». Расшифровывалась эта установка примерно так: «Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества в западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением по обеим сторонам... Для достижения этой цели очевидна необходимость производить водворение новых казачьих станиц в обширном размере, начиная от Лабы чрез верхняя части рр. Белой (курсив наш. – Т.А.), Пшеха, Псекупса и далее к западу по обоим скатам хребта до берега моря» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 665]. «В этих видах я предполагаю в будущий годичный период, – продолжал наместник, – занять передовую кордонную линию р. Белую от урочища Каменного Моста и начать заселение казаками горной местности по обоим покатосям Черного хребта и на предгорьях».

Спустя полтора месяца Барятинский, обращаясь к тому же адресату, детализировал некоторые аспекты реализуемой в Черкесии системы мероприятий. На этот раз им, к примеру, артикулировался оставшийся неозвученным в предыдущем документе отправной пункт актуальной системы действий. Здесь указывалось, что именно в 1860 г. «явилась мысль о совершенной перемене системы действий в этом крае, к чему давали возможность усиление здесь военных средств, упадок духа горцев...» Далее автор напоминал: «Из моих предположений, удостоенных Высочайшего одобрения, в. выс.-пр. изволите знать, что с весны этого года будет начата в больших размерах система занятия горного и предгорного края казачьим народонаселением; чтобы не раздроблять сил и соблюсти более единства в распоряжениях, я предположил вести колонизацию края не с двух противоположных оконечностей, как прежде имелось в виду, а продолжать ее постепенно от Лабы на запад. В этом году будет устроено 17 станиц на пространстве между Лабою и Белою» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 871]. Последнее предложение, таким образом, ориентировало читателя на территорию Бесленя и прилегающие районы.

Отслеживая нарративы, отражающие курс непреклонного продвижения российской стороны к задачам, проистекавшим из владикавказского *плана* нельзя проигнорировать и другой важный документ. Речь идет о докладе исполнявшего обязанности командующего российскими войсками на Кавказе генерал-адъютанта Орбелиани на имя управляющего военным министерством генерал-адъютанта Милютин от 25 мая 1861 г. Адресуясь к одному из демиургов *плана* Геноцида, Орбелиани сообщал: «Соглашаясь с доводами, представленными ген.-адъют. гр. Евдокимовым я разрешил ему ограничить переселение в нынешнем году в Кубанской области семью станицами, тем более что обстоятельство это не обнаружит никакого влияния на изменение *плана* (курсив наш. – Т.А.) принятого для покорения Закубанского края, и даже не произведет чувствительного замедления в общем его исполнении: средства военные, которые предполагалось в нынешнем году употребить для возведения станиц, будут направлены для действий против неприязненных племен и для проложения дорог, необходимых в будущем» [АКАК. Т. XII. 1904. С. 907]. Закljučая доклад, алгоритм действий командования автор изложил в пяти пунктах. За исключением первого из них остальные положения программы преимущественно предполагалось реализовать в отношении Бесленевского княжества. В частности, планировалось завершить устройство Лабинской линии «возведением станиц: Каладжинской, Ахметовской, Псеменской и Андрюкской». Отдельной строкой выделялась задача возведения «одной новой станицы, Переправной, на р. Ходзе (где выстроен новый мост), в 9-ти верс[тах] впереди укр[епления] Каладжинского, на сообщении Каладжей с Хамкетами». Не меньшее значение придавалось выстраиванию надежных коммуникаций на театре войны. Поэтому первоочередное внимание предполагалось уделить проложению сквозь территорию Бесленея дорог «от верхняго Ходза в верховья р. Белой, в Даховское общество» и, «от стан[ицы] Лабинской к укр[еплению] Майкопскому». И, закономерно в документе отдельным пунктом выделена главная, венчающая перечисленные задача, которая заключалась «в *очищении всего этого края от туземного населения* в тех размерах, как это окажется возможным по ходу военных действий» (курсив наш. – Т.А.) [АКАК. Т. XII. 1904. С. 907].

Возвращаясь к обстоятельствам практического осуществления владикавказского *плана* можно пунктирно отследить вектор действий российского командования с начала 1861 г. В источниках отмечается, что «В январе выпал глубокий снег, холода стали страшные: мороз доходил до 30 градусов, птицы замерзли на лету» [Вальтер 1917: 218]. По этой причине полковник Лихутин остановил работы и приступил к активным рекогносцировкам «к верховьям Ходза, по направлению к перевалу в долину р. Белой». О значении, которое придавалось этим мероприятиям, говорит то, что к рекогносцировке юго-западных районов Бесленея присоединился начальник штаба Кавказской армии генерал Карцев. В течение февраля российский «отряд стоял лагерем на Ходзе, производя рекогносцировку и рубку леса вверх» по реке. Март месяц также ушел на рубку леса, но уже вниз по долине Ходзи для «открытия сообщения» с укреплением Каладжинским.

Эти приготовления, разумеется, не оставались незамеченными черкесами (как признавал российский автор «приготовления наши к постройке станиц на рубежах горных трущоб не могло не тревожить горцев») [Вальтер 1917: 219]. Однако, оставаясь в неведении относительно уничтожительных замыслов своих контрагентов, они не предпринимали системных попыток вооруженного противодействия продвижению русских. Симптоматично, что за весь весенний период оперирования российских войск на территории Бесленея источники, насколько можно судить, лишь однажды упоминают «упорное дело» с участием сотен человек [Вальтер 1917: 219–220]. Обобщая этот кейс Гейнс признавал, что «Если б племена, живущие между Лабой и Белой, как-то: бесленеевцы, баракаевцы, махосевцы, егерухаевцы, темиргоевцы и в горных ущельях – абадзехи, были с нами

в открытой вражде, то действия отрядов и в особенности колонизация шли бы очень медленно; но благодаря предыдущим действиям генерала Филипсона, заключившего почти со всеми вышеупомянутыми племенами мирные договоры, успешность того и другого была более чем быстра» [Гейнс 2013: 199]. В противовес словам Вальтера о «нетайном» и «открытом» характере своих приготовлений [Вальтер 1917: 216] Гейнс не скрывал, что именно «Пользуясь этой предварительной подготовкой, частные начальники продолжали по наружности поддерживать мир» [Гейнс 2013: 199]. Наблюдая за переходом принятого во Владикавказе плана в практическую плоскость, автор отмечал что именно «1861 год был замечателен в военном отношении еще и тем, что с этого времени началась особенно энергичная деятельность». И далее, с благоговейным трепетом Гейнс живописал как «несмотря ни на сильные летние жары, ни на суровые зимы, войска... не сходили с боевых позиций и не знали других жилищ, кроме палаток, переноса их за собой все далее в глубь ущелий, ни на неделю не прекращая своих занятий, тогда как прежде отряды выступали для военных действий только на короткие периоды времени в так называемые экспедиции, по окончании которых расходились по своим штаб-квартирам, сменив или усилив предварительно все гарнизоны стоявшие по укреплениям» [Гейнс 2013: 199]. «Между тем к началу лета 1861 г. они успели трудами абадзехского отряда соединить Майкоп со станицей Лабинской, посредством так называемой Абадзехской линии, а в конце июня, трудами войск лабинского отряда, выстроить ограды для одиннадцати станиц». И далее, автор фокусируется на основательности и планомерности действий российского командования. «Прикрывшись таким образом Лабинской и Малолабинской кордонными линиями и заселив русскими переселенцами все пространство между Лабой и Белой, с одной стороны, Урупом и Ходз – с другой, мы так прочно установились между горскими племенами, что начальство наше нашло возможным прекратить прежнюю политику и по окончании только что упомянутых работ объявить всем туземцам, в занятом нами пространстве, о необходимости выселения их к известному сроку» [Гейнс 2013: 199]. Симптоматично, что такое упорство проявлялось командованием даже в условиях остановки «исполнения плана» вследствие «внезапного сопротивления» кубанских казаков, назначенных к переселению на места изгоняемых черкесов [Фадеев 2005; Кравцов 1886: 34–36].

Подготовленная инфраструктура «вытеснения» черкесов бассейна Лабы была эффективна и в том смысле, что по российским оценкам она «показывала бесполезность сопротивления» имперскому продвижению. Однако депривировать «храбрых бесленеев», без которых до того «не совершался на нашу линию ни один набег» [Ольшевский 2003: 487] и внушить выученную беспомощность их лидерам не получалось. Вместе с тем, единовременное заложение в мае 1861 г. полукругом возле бесленеевцев трех станиц (Бесленеевская, Губская и Переправная) послужило зримым сигналом готовящегося решительного натиска российской стороны. В попытке уклониться от неотвратимого удара бесленеевские лидеры «наконец обратились с просьбою к [п]олковнику Лихутину о дозволении им отправиться в Турцию через земли Абадзехов» [Вальтер 1917: 220]. Казалось бы, бесленеевцы были готовы исполнить то, к чему их уже многие месяцы подталкивало военное командование. Однако, российская сторона, вполне резонно, в этой просьбе «обнаружила явное нежелание исполнить данное обязательство и скрытное намерение уйти к непокорным горцам, хотя бы на южный склон» [Вальтер 1917: 220]. Подобная реакция на предложение бесленеевцев вполне изобличает российское командование, исключавшее всякую альтернативу их изгнанию в Османское государство. Собственно, и иные источники подтверждают этот факт. Так, автор одного из полковых историй признавал, что «Назначение верхне-лабинского (фактически, малолабинского – Т.А.) отряда, в состав которого вошли гомборцы, состояло в понуждении к выселению в Турцию племен, населявших верховья большой

Лабы, бесленеевцев, кизильбековцев и др.» [Арутюнов 1898: 285]. Однако, несмотря на сосредоточение огромной массы войск, операция по изоляции и последующей депортации остатков населения западношагского княжества не представлялась обеспеченной. В отзывах российских командиров проступают имевшиеся тогда беспокойства. «По обеим сторонам Ходза, значительного притока Большой Лабы, жили бесленей. Это черкесское общество, равнявшееся по своей величине четырем выше поименованным (башильбаевцы, тамовцы, казильбеки и шахгиревцы. – Т.А.) обществам, несравненно превосходило их храбростью и наездничеством», – писал, к примеру, генерал Ольшевский [Ольшевский 2003: 487]. Весьма заинтересованный в исходе российско-черкесского противостояния другой генерал – Ростислав Фадеев также не мог упустить из виду, что к западу от течения Лабы оставались «самые хищные и воинственные общества», «между которыми первое место принадлежало бесленеевцам и беглым кабардинцам» [Фадеев 2005: 162]. Подобное положение вещей побуждало российское командование к скрупулезной подготовке к финальной операции по ликвидации Бесленеевского княжества. Непосредственные задачи иницилируемой операции мотивировались согласно российским авторам, следующими соображениями. «Чтобы не допустить их до явного неповиновения, а затем и открытого сопротивления» [Арутюнов 1898: 285]. Формулировка Гейнса звучала так: «Чтобы не дать их протесту развиваться до фанатизма и дабы избавиться от жертв с нашей стороны...» [Гейнс 2003: 200]. Очевидно, что понимание несоизмеримости сконцентрированных против них сил собственным ресурсам подвигало бесленеевцев к последовательному поиску компромиссов. Но в рамках реализуемой геноцидальной стратегии, проявление выраженного миролюбия не рассматривалось как фактор деэскалации. Стремление бесленеевцев не оставлять исконную территорию княжества рассматривалось не просто как недопустимое уклонение от начальственных предначертаний, но и как открытый вызов. В соответствующих текстах прорываются нотки раздражения тем, что многие жители локации верхней Лабы с весны «молча покорившись судьбе», «а частью – по неволе» выселялись в «Турцию» «и только бесленеевцы, невзирая на наши напоминания и требования, не трогались с места» [Арутюнов 1898: 285].

Источники единодушно отмечают, что начало войсковой операции по нейтрализации изрядно поредевшего населения Бесленеевского княжества относится к 20 июня 1861 г. [Арутюнов 1898: 285; Гейнс 2013: 200; Вальтер 1917: 222]. Здесь следует вспомнить, что лишь за неделю до этого в Сочи крупнейшие кяхские агрегации объявили об учреждении единой черкесской политики. Бесленеевское княжеств не фигурировало в качестве ее учредителей, но принимая во внимание открытый характер нового объединения не исключено, что российское командование форсировало мероприятия, направленные на нейтрализацию западношагского княжества. Они же носили ярко выраженный агрессивный характер. Источники не допускают разночтений относительно того, что речь шла о военной операции и насильственном выселении, т.е. изгнании. Об этом можно судить по следующим отзывам. Генерал Ольшевский писал о переселении в «Турцию *силою нашего оружия*» [Ольшевский 2003: 518]. Другой современник событий отмечал, что «Целые племена, как бесленеевцев, были *выселены облавой* в течение одного-двух дней» [Венюков 2014: 247]. Окидывая обобщающим взглядом, Семен Эсадзе не без гордости вспоминал как «бесленеевцы были внезапно окружены... и... под прикрытием войск *силою были переведены на р. Уруп*» (с последующей депортацией в пределы Порты) [Эсадзе 2004: 351]. В более подробном изложении событие выглядело следующим образом: «20-го июня аулы их *внезапно были окружены войсками верхне-лабинского отряда*, с участием также гомборских стрелков, и все почти *четырёхтысячное племя было выведено, под сильным конвоем, на правый берег Урупа*, откуда началось постепенное выселение их в Турцию» (курсив наш. – Т.А.) [Арутюнов 1898: 285].

Но с наибольшей фактической детализацией ход операции, пожалуй, изложен в работе Вальтера. «Дабы не допустить целое (бесленеевское. – Т.А.) общество перейти со всем имуществом на сторону неприятеля, командующий войсками приказал начальнику М.-Лабинского отряда прибегнуть к силе». Таким образом, генерал Евдокимов не просто осуществлял общее руководство имперскими войсками, но и лично инициировал геноцидальную операцию против бесленеевцев. Забегая вперед отметим, что с самого начала операции командующий войсками Кубанской и Терской областей находился в Бесленее, чутко отслеживая ее ход. «Граф Евдокимов, – говорится в источнике, – присутствовал в Каладжях при этом *безцеремонном выселении свирепаго племени*» (курсив наш. – Т.А.) [Вальтер 1917: 221]. К 20 июня для действий против бесленеевцев была собрана группировка войск, состоявшая из 9 батальонов пехоты, 15 сотен казаков, 2-х эскадронов драгун и 14 орудий. «22 июня П[олковник] Лихутин расположил эти силы вокруг бесленеевских аулов и потребовал от бесленеевцев немедленного переселения». Дальнейшее Вальтер описывает следующим образом: «Не имея возможности оказать нам открытое сопротивление, так как все проходы были заняты нашими войсками, – Бесленеевцы покорились необходимости: 23 числа, все четырехтысячное племя было поднято и со всем его скарбом двинуто к степным берегам Урупа...» [Вальтер 1917: 221].

Показательна и обстановка, в которой производилось конвоирование бесленеевцев. «Надо признаться, что отчасти невеселую картину являл собою этот табор мужчин, женщин и детей, не по доброй воле покидавших свои родные горы. Плакали дети, своими воплями оглушали женщины, с затаенным чувством ненависти, понуро плелись мужчины...», – писал Вальтер. Вероятно, автору такая картина не представлялась всецело мрачной по той причине, что «бок о бок» с бесленеевцами «шли наши солдаты, гремя бубнами, тулумбасами с плясунами впереди, весело напевая разудалую и задорную песню своего полка, незадолго перед тем сложенную самими солдатами» [Вальтер 1917: 222]. Не вдаваясь в рассуждения о том, как она в столь удручающих обстоятельствах и в такой заведомо издевательской манере исполнения (даже не касаясь того, насколько ее содержание было понятно черкесам) гнетуще воздействовала на жертв радикального насилия обратимся лишь к ее заключительным строкам, в которых, на наш взгляд, красноречиво проступают суть произошедшей трагедии.

«...Мы дралися за Лабой
Мы дрались, черкес, с тобой...
...К распроклятым басурманам,
На штыки мы к ним пойдём
На штыки мы к ним пойдём
И прикладами добъём
Мы дралися за Лабой.
А когда хотят мириться, –
Мы им земли отведем,
На Кубани поселиться –
На аркане поведем.
Гремит слава трубой» [Вальтер 1917: 223].

Можно по-разному относиться к незатейливому творчеству подневольной солдатской массы, но вряд ли подобный разгул риторического садизма в столь неприкрыто arrogantной манере был бы возможен без изъясненной со стороны командиров благожелательности к подобным проявлениям. Военное начальство же само поощрялось верховной властью зримо и оперативно. Так, непосредственно руководивший операцией по изгнанию бесленеевцев, снискавший

репутацию полководца, чьи действия «отличались замечательным кровопролитием» командующий Мало (Верхне)-Лабинским отрядом полковник Лихутин вскоре был произведен в генералы в приезд в Черкесию царя Александра II [Вальтер 1917: 231].

Таким образом население западношагского княжества первым из сохранявших на тот период дееспособность черкесских полities подверглось уничтожительной атаке согласно принятого в сентябре – октябре 1860 г. в Владикавказе плана российского военного командования. При этом *modus operandi* апробированный в отношении бесленеевцев выразившийся во «внезапном окружении» и «выселении облавой» стал шаблоном и в последующих операциях по имплементации владикавказского плана [Фадеев 2005: 162; Венюков 2014: 247].

Список источников и литературы

- АКАК 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1576 с.
- Арутюнов 1898 – *Арутюнов Ф.А.* История 1-го Кавказского Стрелкового Его императорского Высочества Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898. 500 с.
- Вальтер 1917 – *Вальтер М.К.* История 75-го пехотного Севастопольского полка. 1856–899 гг. 874 с.
- Венюков 2014 – *Венюков М.И.* К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Кавказ: Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. 416 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Гейнс 2013 – *Гейнс К.* Пшехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года) // Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик, 2013. С. 198–356.
- Кандор 2020 – *Кандор Р.С.* Процесс инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) северо-западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы (XIX–XX в.). Майкоп, 2020. 351 с.
- Кравцов 1886 – *Кравцов И.С.* Кавказ и его военачальники. СПб., 1886. 73 с.
- Ольшевский 2003 – *Ольшевский М.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. 608 с.
- Фадеев 2005 – *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2005. 635 с.
- Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп, 2015. 292 с.
- Эсадзе – *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. М., 2004. 404 с.

References

- АКАК – *Akty Kavkazskoj arheografi cheskoj komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Т. XII. Tiflis, 1904. (1576 s.) (In Russian)
- ARUTYUNOV F.A. *Istoriya 1-go Kavkazskogo Strelkovogo Ego imperatorskogo Vysochestva Knyazy Mihaila Nikolaevicha batal'ona*. [History of the 1st Caucasian Rifle Battalion of His Imperial Highness Prince Mikhail Nikolaevich]. SPb., 1898. (500 s.) (In Russian)
- VAL'TER M.K. *Istoriya 75-go pekhotnago Sevastopol'skago polka* [History of the 75th Sevastopol Infantry Regiment]. 1856–1899 gg. (874 s.) (In Russian)
- VENYUKOV M.I. *K istorii zaseleniya Zapadnogo Kavkaza*. [On the history of settlement of the Western Caucasus]. 1861–1863 gody. IN: Kavkaz: Tragediya izgnaniya. Nal'chik, 2014. (416 s.) (In Russian)
- ГАКК – *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archives of Krasnodar Region]. (In Russian)
- GEJNS K. *Pshekhskij otryad (s oktyabrya 1862-go po noyabr' 1864 goda)* [Pshekh detachment (from October 1862 to November 1864)]. IN: Materialy dlya istorii pokoreniya Zapadnogo Kavkaza. Nal'chik, 2013. P. 198–356. (In Russian)
- KANDOR R.S. *Process inkorporacii tradicionnyh form upravleniya adygov (cherkesov) severo-zapadnogo Kavkaza v struktury rossijskoj administrativno-politicheskoj sistemy (XIX–XX v.)* [The process of incorporation of traditional forms of

governance of the Adyghe (Circassians) of the northwestern Caucasus into the structures of the Russian administrative-political system (19th–20th centuries)]. *Мажкоп*, 2020. 351 с. (In Russian)

KRAVCOV I.S. *Kavkaz i ego voenachal'niki* [The Caucasus and its military leaders]. Spb., 1886. 73 p. (In Russian)

OL'SHEVSKIJ M. *Kavkaz s 1841 po 1866 god* [Caucasus from 1841 to 1866]. SPb., 2003. 608 p. (In Russian)

FADEEV R. A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. M., 2005. 635 p. (In Russian)

HOTKO S.H. *Otkrytie Cherkessii. Kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv.* [Discovery of Circassia. Cartographic sources of the 14th–19th centuries]. *Мажкоп*, 2015. 292 p. (In Russian)

ESADZE S. *Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoj vojny* [Conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War.]. M., 2004. 404 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 30.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.